

Родные истории

ЦЕНА НА ПЯТКАХ

Волжские сказы о старом Рыбинске

Игорь Громов

ЦЕНА НА ПЯТКАХ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73080668

SelfPub; 2026

Аннотация

Фольклорная серия легенд «Волжские сказы о старом Рыбинске». Основана на воспоминаниях старожилов и архивных преданиях. Это не исторические факты, а городская проза с уважением к городской памяти, стилизованная под былины, мифы и байки, которые могли бы жить среди жителей Рыбинска.

Содержание

Глава 1	4
ВИНОЙ ВСЕМУ ДЫРА В ДУШЕ	13
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Игорь Громов

ЦЕНА НА ПЯТКАХ

Глава 1

ГОСТИНИЦА «СТОЛБЫ»: истории, привезённые с собой

У каждого города есть места, куда рано или поздно приводят все дороги. В старом Рыбинске таким местом была гостиница «Столбы», что и поныне стоит на Крестовой улице, храня молчание.

Построена она была для купца Крашенинникова по «образцовому проекту» самого Карла Росси, и это слово точно ложится в её судьбу. Здесь останавливались все, кому нужно было пересечься с Рыбинском на перекрёстке судьбы: хлебные торговцы, писатели, актёры, инженеры.

Каждый привозил сюда свою историю, свой груз – надежд, страстей, воспоминаний. И стены этого дома впитывали их все, переплавляя в особый, гостиничный фольклор.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. О питерском балетмейстере, который хотел забыть

Говорят, однажды в «Столбы» с подорожной из самого Петербурга въехал необычный постоялец. Худой, подтянутый, с усталыми, но пронзительными глазами. В книге гостя он записался скромно, без званий. Но старый швейцар, что видел на своём веку всякого, прошептал половому: «Берегись. Это из столичной оперы. Ищет, видать, где спрятаться».

Постоялец снимал номер на самом верху, под самой крышей, и неделями не выходил. Только по ночам, когда в городе затихали голоса, он спускался в пустой трактир на первом этаже, заказывал самовар и подолгу смотрел в темноту за окном. Он хотел раствориться в этой провинциальной тишине, стереть с себя блеск и грохот столичной славы.

Слух о нём, однако, просочился. Его узнал заезжий антрепренёр и, затаив дыхание, предложил поставить в местном театре балетный дивертисмент. Легенда гласит, что танцор, которого иные называли самим Мариусом Петипа, лишь горько усмехнулся:

– В Петербурге я ставил для императора. А здесь... Здесь я буду ставить для себя. И для Волги.

Он согласился.

Три года в Рыбинске звучала непривычная городу музыка,

и на подмостках рождались па, которых не знала столица. А потом он так же тихо уехал, не простившись, оставив после себя лишь легенду и вопрос: что же так могло привлечь, а потом отпустить гения в этом волжском городе? Деньги? Опа-ла? Или просто усталость от самого себя? Никто не узнал. «Столбы» хранили его тайну, как хранят ключ от номера, который больше не откроют.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. О коммерсанте с кладом и вдовьей свечой

А в другой раз поселился в гостинице купец-хлеботорговец, мужик крепкий, с умными, быстрыми глазами. Вёз он в Рыбинск не товар, а тяжёлую поклажу – душевную.

В молодости, оборотистым приказчиком, он был влюблён в дочь своего хозяина. Отец девушки, человек жестокий, брак запретил, а приказчика с позором выслал. Юноша поклялся вернуться миллионером и добиться руки любимой. Он скитался, торговал, богател.

И вот вернулся, спустя двадцать лет, узнав, что отец той девушки давно в могиле, а сама она, овдовев, живёт в Рыбинске скромно и бедно. Купец не пошёл к ней сразу. Он остановился в «Столбах» и три дня метался по номеру, будто снова стал тем неуверенным юнцом.

На четвёртый день, нарядившись в лучший сюртук, он от-

правился по адресу. Вернулся к ночи, седой и сломанный. Оказалось, его возлюбленная, не дождавшись, вышла за другого, родила детей, а потом похоронила и мужа. Увидев гостя, она не узнала в седом богаче того пылкого юношу:

Спасибо, что навестили старуху, батюшка, – только и сказала она.

Мечта, гнавшая его два десятилетия, рассыпалась в прах. В ту ночь коммерсант велел подать в номер шампанского и выпил его в одиночку, глядя на огни на Волге.

А утром передал швейцару увесистый кошель: «Отнеси той вдове с Казанской улицы. Скажи, что от покойного мужа всплыл неожиданный долг». Сам же укатил с первым парходом. Его богатство так и не принесло ему счастья, но, может быть, принесло покой одинокой старухе. Иногда не деньгами, а потерей их платят по старым счетам.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. О студенте, который искал героя и нашёл себя

В начале XX века в «Столбы» заселился юный студент-технолог из Москвы. Он приехал на практику, но в его дорожном саквояже, меж чертежей и книг, лежала тонкая тетрадь со стихами. Парень грезил не шестерёнками, а словом, мечтая написать поэму о Волге. Для этого ему нужен был герой – настоящий, коренной, из народа.

Таким героем он избрал старого водолива, которого встретил на набережной. Мужчина с лицом, как волжская глина, поведал студенту были о бурлацкой доле, о том, как «тянули лямку под солнцем да под свист ветра».

Юный поэт днями сидел в номере, покрывая страницы виетиеватыми строфами о «груди, распятой на канате» и «душе, тоскующей по воле». А вечерами бежал в трактир, чтобы поделиться творением со своим музой. Тот слушал, пил чай, кряхтел.

И однажды сказал, вытирая усы рукавом:

– Хорошо пишешь, барин. Только не про нас. У нас боль проще была. Устанешь – и всё. А воля... Она в том, чтобы до тяги дожить да домой с деньгами вернуться. Всё.

Студент замолчал. Он понял, что сочинял не про живого человека, а про памятник, который сам же в уме и воздвиг. Он порвал свою поэму. А вместо неё написал честное, скупое письмо отцу, что инженерия – тоже неплохое ремесло, и Волга учит не только красивым словам, но и крепким плотинам.

Свою же тоску по высокому он увёз обратно в Москву, спрятав на дно саквояжа, как самый ценный и ненужный сувенир. «Столбы» видели, как рождается и гаснет творческий пыл, и принимали это как должное.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ. О графе, который переписывался со швейцаром

Существует ещё одно предание, которое в особом почёте у местных краеведов. Оно гласит, что в 1848 году, когда «Столбы» уже славились на всю Волгу, здесь на неделю остановился высокий, худощавый чиновник с пронзительным, насмешливым взглядом. Представился он скромно:

– Надворный советник Салтыков, по служебному делу.

Будущий великий сатирик, сосланный в провинцию за вольнодумные повести, приехал в Рыбинск с ревизией городской управы. Номер он занял самый обычный, на втором этаже, выходящий окнами не на парадную улицу, а на грязный переулок и сарай.

И с первого же дня он зачастил не в трактир, а в швейцарскую. Там, в маленькой тёплой конурке, жил старый отставной солдат, сторож гостиницы Игнатий – человек бывалый, с философским складом ума и неистощимым запасом житейских наблюдений.

Каждый вечер сановник приходил к Игнатию, усаживался на сундук, курил и задавал вопросы.

– Ну, как, Игнатий Петрович, город-то наш? Живёт?

– А как же, ваше высокородие, живёт. Как веник в бане: один конец моет, другой – парит, а в середине мы с вами паримся.

–А начальство наше, как, по-твоему?

–Начальство, оно как погода на Волге: сегодня ясно – гладь да благодать, завтра штормит – ищи, куда причалить. Только у погоды закон есть, а у них... У них закон – что дышло.

И пошло, и поехало. Салтыков хохотал до слёз, а наутро, запершись в номере, что-то быстро строчил в свою походную тетрадь. Он выпытывал у швейцара байки о местном купце, что на спор съел живого осетра; о городничем, который по ночам воровал дрова с казённого склада; о попе, державшем тайный кабак в церковной сторожке.

Вся рыбинская жизнь, во всей её абсурдной наготе, проходила перед ним, как живая картина. И всё это аккуратно ложилось на бумагу острым, как бритва, почерком.

Перед отъездом Салтыков крепко пожал Игнатию руку и сунул в неё не деньги, а толстый конверт.

–Это тебе, друг, за беседы. Не распечатывай, пока я парходом не отчалю. Прочти – поймёшь.

Игнатий, конечно, не выдержал. Как только пароход отошёл от пристани, он вскрыл пакет. Там лежали исписанные листы – те самые рассказы и сценки, которые он поставлял гостю. И подпись внизу: «Записал со слов правдивейшего человека Игнатия Петровича. М. Салтыков».

Старый солдат долго сидел, водя пальцем по строкам, узнавая свои же слова, облачённые в изящный слог. Он не обиделся. Он понял главное: он, простой швейцар, говорил

так, что его стоило записывать. Его рябой, подёрнутый житейской копотью язык стал частью чего-то большого.

А через много лет, когда имя Салтыкова-Щедрина гремело по всей России, Игнатий, уже глубокий старик, показывал внукам потрёпанную книжку «Губернских очерков».

– Вот, – говорил он, тыча в страницу. – Это я про купца-осетра рассказывал. А это – про городничего. Мы с графом, можно сказать, соавторы.

Сам Щедрин в мемуарах об этой поездке скромно умолчал. Но в рыбинском «Столбах» до сих пор верят, что без швейцара Игнатия не было бы и многих щедринских персонажей. Так волжская гостиница стала невольной соучастницей великой русской литературы.

И в этом нет никакого пафоса, только простая правда: генералы часто кормятся не в боярских палатах, а в тёплых, пропахших махоркой и ладанком, швейцарских при гостиницах, где хранится подлинная, не приглаженная жизнь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Гостиницу «Столбы» недавно признали памятником, и теперь в её стенах расположился «Литературный город». Это справедливо. Ведь это здание – не просто памятник архитектуры. Это каменная книга, где вместо букв – отпечатки тысяч судеб, прибитых к рыбинскому берегу течением жизни.

Мораль же этих сказов проста и вечна, как течение Вол-

ги под окнами гостиницы: всякий путник везёт с собой не только узел с пожитками, но и груз своей души. И гостиница – не конец пути, а лишь временная пристань, где можно этот груз передохнуть, перетряхнуть, а иногда – и навсегда оставить меж старых стен, чтобы ехать дальше налегке.

«Столбы» видели, как люди ищут забвения, расплачиваются за прошлое и расстаются с иллюзиями. И в этом нет ничего печального. Это просто дорожная жизнь. А город помнит всех.

ВИНОЙ ВСЕМУ ДЫРА В ДУШЕ

Говорят, что истинный дух города познаётся не в парадных залах, а в тех местах, где человек остаётся наедине со своей усталостью, тоской и радостью.

В старом Рыбинске, что стоял на великом хлебном тракте, таких мест было видимо-невидимо. От дымных портовых кабаков до богатых купеческих трактиров – все они были живыми узлами на теле города, где сплетались судьбы, заключались сделки и проливалось в Волгу вино, а с ним – и слёзы. И у каждого заведения была своя история, своя легенда, пересказанная шепотом.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. О бурлаке Фоме и заветной копейке в кабаке «У пропавшего якоря»

У самых волжских пристаней, в подвальчике, что пахло рыбой, дёгтем и дешёвым табаком, ютился кабачок «У пропавшего якоря». Сюда после каторжной работы сходились бурлаки и крючники. Среди них был Фома, мужчина богатерского сложения, но с душой ребёнка. Всю жизнь он тянул лямку, а единственной его мечтой было скопить три рубля

на корову для старухи-матери в деревне.

Каждый раз, получив расчёт, он клал в потаённый карман медный пятак «на корову», а на оставшиеся гроши пил с товарищами. Но путь к выходу из кабака лежал мимо стойки, где стоял огромный стеклянный графин с золотистой, манящей настойкой. И силача Фому всякий раз будто бес толкал под локоть.

Он доставал заветный пятак, ставил его на стойку и с горя выпивал, губя свою многолетнюю мечту в один миг. Говорили, что хозяин кабака специально поставил тот графин именно там.

Фома так и умер на берегу, не купив коровы. А в кабаке ещё долго шептались:

– Не графин виноват, а дыра в душе, что больше медного пятака.

Эта история стала суровой притчей для всех, кто пытался утопить своё будущее в стакане.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. О купце Ермолаеве и трактирном пари в «Московском подворье»

На Крестовой улице, в самом центре, сиял огнями трактир «Московское подворье». Сюда съезжалось купечество не только поесть-выпить, но и дела вершить.

Однажды рыбинский хлеботорговец Ермолаев, человек

азартный и с юмором, поспорил с ярославским коллегой на тысячу рублей, что съест за один присест сто расстегаев.

Собрался весь цвет города. Несли расстегаи с рыбной солянкой, с визигой, с грибами. Ел Ермолаев, а народ считал. Съел девяносто – и побледнел. Девяносто пять – лицо стало землистым. Доел до сотого, положил на тарелку последнюю вилку, попросил счет... и замертво рухнул на пол.

Врачи потом говорили, что сердце не выдержало. А ярославец, говорят, те самые тысячу рублей, выигранные в пари, тихо отдал на отпевание Ермолаева. С тех пор в «Московском подворье» больше никто и никогда не спорил на еду. Память о купецкой удали и глупости витала в его стенах, как предохраняющий дух.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. О рабочем Аркадии и винном складе на улице Пушкина

С приходом новой власти старые трактиры пооткрывались. Но жажда-то никуда не делась. В советские времена, в пору тотального дефицита, особым местом силы стал винный склад на улице Пушкина. К нему выстраивались гигантские очереди. Стояли часами, споря о жизни и ругая начальство.

Рабочий Аркадий с моторного завода, человек трезвый по натуре, как-то раз поставил бутылку портвейна «Агдам» на

тумбочку, чтобы выпить в пятницу с товарищами после зарплаты.

Бутылка простояла неделю. И за эту неделю Аркадий передумал всю свою жизнь. Он смотрел на неё и видел не веселье, а своё пропавшее в пьяном угаре здоровье, ссоры с женой, сорванные планы. В пятницу товарищи не пришли. Аркадий взял бутылку, вышел во двор и вылил её содержимое на землю, под старый клён.

Соседи думали, что он спятил. А он ощутил странную лёгкость. Он не поборол искушение – он его перерос. Он понял, что настоящая сила не в том, чтобы выпить и не опьянеть, а в том, чтобы иметь право не пить вовсе, когда все вокруг пьют. Эта молчаливая победа одного рабочего над бутылкой стала самой тихой, но самой сильной легендой из всех.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

И вот стоят на улицах нынешнего Рыбинска новые кафе и бары. Но мораль старых сказов проступает сквозь их яркие вывески, как сквозь время: питейное заведение – лишь зеркало. Оно отражает не то, что налито в стаканы, а то, что накипело в человеческих душах: и слабость, и удадь, и глупость, и надежду. В них плакали о несбыточном, как бурлак Фома, губили себя из-за чванства, как купец Ермолаев, и обретали тихую свободу, как рабочий Аркадий. И пока в городе есть хоть одна такая история, он будет помнить не только

вкус вина, но и его цену.

Глава 2

ОСТРОВА ПАМЯТИ

Веретье, Гладкое и Мягкое: Острова Памяти

Есть в нашем Рыбинске места, где земля, кажется, помнит вздохи, имена и песни тех, кого давно поглотил большой город. Эти места – не парадный центр, не шумные торговые ряды, а тихие окраины, где ветер, прилетевший прямо с широкой Волги, гуляет между панельных домов. Здесь улицы носят не имена героев и князей, а названия старых, исчезнувших деревень: Мягкое, Тоговщинское, Веретье...

Это – острова. Но не водные, а острова памяти, поднятые над забвением. В старину «веретье» называли высокую, сухую гряду посреди болот, которая во время половодья не тонула, становясь приютом. Так и эти земли стали духовным «веретьем» для душ селений, поглощённых разрастающимся городом: Веретье, Гладкое, Мягкое. Вместо деревенских изб здесь выросли многоэтажные дома, образовав микрорайон, и лишь названия улиц, словно старые письма, хранят имена исчезнувших деревень. И по этим «островам» ходят легенды

– тихие, как шелест осоки у невидимого берега, и глубокие, как сама Волга.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. О Гладком камне и последнем «Простите»

На том месте, где сейчас завод работает, а рядом на широкой площади народ отдыхает и праздники устраивает, стояла когда-то деревня Гладкое. Была она душой волжского сплава, славилась плотогонами – людьми смелыми, что виртуозно вели лес по водной глади. А в самом сердце деревни, у околицы, лежал огромный, молчаливый валун – Гладкий камень.

Это был не просто камень. Это был немой исповедник. Перед каждым опасным сплавом плотогон приходил к нему, присаживался на него, закуривал самосад, молчал, доверив камню свои тревоги, – на удачу. Время и сотни рук отполировали его шершавую природу до нежной, почти бархатной гладкости.

Последним из плотогонов, кому довелось вести бревна мимо родных, обречённых берегов, был старик Архип. В тот страшный, последний сплав, он подошел к Камню, но тот уже не стоял на своём месте – его сдвинули, готовясь к новому,

большому строительству. Прикоснулся Архип к знакомой, но чужой уже поверхности, закрыл глаза, вдыхая запах мха и прощания.

И не прошлое увидел он, а будущее: будто стоит на этом месте, а вокруг застроенные высокие, незнакомые дома, а под землёй, там, где стояла его изба, плывут не рыбы, а те-ни его рода. И светятся в этой глубине оконца разрушенных изб, будто тёплые свечи, зажжённые в память. Понял тогда Архип: Гладкий камень – это не талисман для себя. Это печальный якорь. Печать памяти. Он не стал просить удачи. Он лишь прошептал сердцем, низко склонившись к Камню: «Простите».

Говорят, тот камень так и остался стоять, вкопанный в землю рядом с площадью, неприметный, словно чья-то боль. А по ночам, когда стихают машины, если приложить к нему ухо, будто слышен глухой, размеренный стук. Это сердце исчезнувшей деревни бьётся. И тот, кто его услышит, уже никогда не забудет, что под гладкой поверхностью нашей жизни, под асфальтом и бетоном, бурлит глубокая, живая река прошлого.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. О деве Веретьевской и якорю слёз

Деревня Веретье, что стояла на той самой высокой гряде, была работящей и звонкой. Главной песней её был не колокол, а звон молотов по медным заклепкам: здесь чинили и строили волжские суда. А на самой высокой точке росла одинокая, могучая, как символ, сосна. Её называли дева Веретьевская. Говорили, что она – хранительница, видит всё на сотни вёрст вокруг, а ветви её чувствуют беду задолго до прихода строителей.

Перед самым приходом большого города, перед тем, как им уйти, жители Веретья пошли к своей сосне. Каждый приносил самый малый, но самый важный якорь – гайку, заклепку, старую подкову. И вешал на нижние сучья, как на руки матери. Это были не просто железки, это были «якоря памяти», чтобы душа деревни не уплыла в небытие, чтобы она осталась привязана к этому клочку земли.

Самую красивую, кованую заклепку, отданную ещё первым отремонтированным здесь парходом, повесила старая кузнечиха Агафья. И прошептала, глядя на мощный ствол: «Расти, корнями до самой земли достань, свет наш забытый сторожи».

Когда пришла застройка, сосну, разумеется, спилили – чтобы не мешала. Но легенда устояла. Говорят, на том самом месте, где она стояла, теперь высится опора ЛЭП, могучая и металлическая. И в полнолуние, когда лунный свет пронзает Волгу, металл той опоры будто бы стонет от ветра, а с него на землю каплют густые, рыжеватые капли, похожие на ржавые слёзы. Это дева Веретьевская плачет по своим людям. Но плачет не от бессилия, а от великой, безграничной любви и верности. И эти «якоря слёз» накрепко привязывают память о Веретье к берегу, который стал её вечным, высоким островом в каменных джунглях.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. О Мягкой земле и тепле печника Кузьмы

А деревня Мягкая, что раскинулась по самому берегу Волги, славилась своей необыкновенной мягкой, податливой глиной. Печники оттуда были знатны на всю губернию. Лучшим из них был Кузьма. Он складывал печи такие, что в доме было не просто тепло, а душевно тепло даже в самую лютую стужу. А хлеб в них получался не просто душистым, а волшебным. Считалось, что Кузьма знал душу глины и пел ей старинные, тихие песни, когда месил.

Перед приходом города Кузьма не метался и не плакал. Он собрал свой самый драгоценный узел: горсть родной, мягкой глины, горсть золы из своей печи – как кусочек домашнего очага, и старый, сточенный мастерок. Уходя, он не оглянулся. Поселился он на новой улице, которую тоже называли Мягкой, и сложил там свою последнюю печь. Вкладывал он в каждый кирпич не просто раствор, а ту самую, принесенную с собой память.

И случилось чудо, что важнее всякого волшебства: печь та не просто грела. Когда стужа охватывала город, от неё разносился по дому тонкий, нежный запах печёного хлеба из забытой деревни. А по ночам, если прислушаться у печной трубы, можно было уловить далёкий, едва слышный перезвон – будто смех детей, что когда-то резвились у старого, мягкого берега.

Дом с печью Кузьмы давно разобрали, но старожилы клянутся: на месте том, где она стояла, земля даже в лютый мороз не замерзает. Ступишь на это место босой ногой – и почувствуешь нежное, живое, уходящее вглубь тепло. Это не геотермальный источник. Это теплота человеческих рук, тепло очагов, что продолжают греть нас через толщи лет и толщи бетона.

ЭПИЛОГ: Живое Веретье

И вот ходят люди по улицам Мягким, Веретьевской, смотрят на мебельный комбинат, что стоит на костях лесных пристаней, и не знают, что ступают по самому дну памяти. Они живут не просто на земле. Они живут на великом, молчаливом веретье человеческих судеб, на месте, где когда-то стояли живые деревни, а теперь – многоэтажные дома.

Мораль же всей этой истории не произносится вслух. Она звучит подтекстом, как далёкий, но настойчивый стук Гладкого камня: ничто не исчезает бесследно. Ни деревня, ни печка, ни тёплая глина. Всё это стало частью новой земли, её слезами, её теплом, её биением сердца.

И наша главная задача – помнить, чьё тепло согревает нам ноги. Помнить, чьи слёзы пропитали эту землю, чтобы мы могли на ней стоять. И передать этот тихий сказ дальше. Потому что пока мы помним, Веретье, Гладкое и Мягкое остаются живыми – не на картах, но в наших сердцах и в названиях улиц, что хранят их тайну.

КОВЧЕГ ПАМЯТИ

На левом берегу Волги, отделённый от шумного центра широкой рекой, раскинулся, словно отдельное княжество, посёлок ГЭС. Нынешний путник видит здесь стройные ряды двухэтажных домов, да величавое сооружение гидроэлектростанции, что, словно тихие исполины, укрощают речную мощь. А ведь этот посёлок, на самом-то деле, гораздо древнее, чем кажется.

Гораздо! Городская легенда гласит: в этих местах, там, где Шексна впадает в Волгу, стояло самое-самое древнее поселение – Усть-Шексна. И было оно такое старое, что даже первые камни Рыбной слободы на правом берегу – той, что потом Рыбинском станет, – казались юными по сравнению с ним.

Усть-Шексна – это не просто название, это душа места, его первый вздох. И пусть потом здесь раскинулось мирное село Васильевское в середине XVIII века, а спустя два столетия и рабочий посёлок Шекснинский для строителей ГЭС, – дух древнего поселения никуда не делся. Он просто затаился, ждал своего часа.

Посёлок ГЭС – это не просто дома энергетиков. Это живой памятник, словно старая книга, где каждая страница – это эпоха: от тишины Усть-Шексны до гула турбин, от первых фильмов до современных боевиков.

Сегодня его называют памятником советской эпохи, рекомендуя сохранять их в полной неприкосновенности. И не только потому, что архитектура хороша. А потому, что здесь

время остановилось, чтобы память жила.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. О дед Василии и камне Усть-Шексны

Жил в селе Васильевском, что до строительства ГЭС раскинулось там, где сейчас посёлок, старик по имени дед Василий. Век он прожил у самой воды, видел, как Шексна топорливо несёт свои воды в Волгу, как меняются лодки, как приходят и уходят люди.

Дед Василий был тих, но глаза его, казалось, видели не только настоящее, но и прошлое, до самой Усть-Шексны. Он всегда говорил:

«Земля здесь крепкая. Она всё помнит. Только прислушаться надо».

И вот, в 1935 году, когда дед Василий был уже совсем стар, к западу от их села появились люди. Много людей. Привезли с собой невиданные машины, чертежи, стали копать, строить.

«Плотина будет! Электростанция!» – шумели молодые.

Дед Василий молчал. Он смотрел на реку и понимал, что грядёт великая перемена, что его Васильевское скоро станет частью чего-то большего.

Однажды, когда шум от стройки был особенно сильным, дед Василий взял свою клюку и пошёл к тому месту, где, по его преданиям, стоял самый старый камень Усть-Шексны. Камень этот был не примечателен, серый, поросший мхом, но дед Василий верил, что это сердце земли. Он сел рядом,

приложил ухо к камню и стал ждать.

Ему не показалось. Камень начал тихонько гудеть. Не от стройки, нет. А от тысячи голосов. Дед Василий услышал говор древних торговцев на ярмарке Усть-Шексны, звон колоколов Васильевского храма, смех детей, что плескались в Шексне. Он услышал гул будущих турбин ГЭС, крики строителей, даже мелодии песен, что будут петь энергетики в новых домах. Всё смешалось в этом гуле, и дед Василий понял, что его Васильевское не исчезает. Оно просто становится новым голосом в этом великом хоре.

Камень этот так и остался где-то на территории, которая потом превратилась в рабочий посёлок Шекснинский, а затем в посёлок ГЭС. Говорят, что если пройти по старым улочкам и прислушаться к земле, то можно уловить тот самый гул. Это не шум стройки, это голос Усть-Шексны, что живёт в каждом камне, в каждом доме. И тот, кто его услышит, уже никогда не будет смотреть на посёлок ГЭС как на простое скопление домов. Он увидит живую историю.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. О тенях-строителях и несбывшейся мечте

Когда началось великое строительство Рыбинской ГЭС, дело это было невиданное. Нужны были рабочие руки, много рук. И так случилось, что вместе с вольными людьми, что приезжали со всей страны строить энергетическое будущее, появились и те, кого называли заключёнными Волголага.

Эти люди, словно невидимые тени, возводили плотины,

рыли котлованы, прокладывали дороги. Их было много, и работа их была тяжёлой. Их имена редко попадали на страницы летописей, но их труд впечатался в самую землю.

Среди этих «теней» был один человек, прозванный Мастер Тихон. Он был талантливым резчиком по дереву, и его руки, несмотря на тяжёлый труд, помнили тонкость ремесла.

Тихон мечтал. Мечтал, что когда-нибудь, после всех тягот, он построит небольшой домик где-нибудь на берегу, рядом с Шексной, и вырежет для него самые красивые наличники, какие только можно придумать. Но его мечте не суждено было сбыться. Он, как и многие другие, остался невидимой частью этой великой стройки.

Так вот, ходят слухи, что в послевоенный период, когда неподалёку от старого Васильевского стали строить посёлок для энергетиков – те самые двухэтажные дома, которые мы видим сейчас, – происходили странные вещи.

Строители, что возводили эти дома, иногда по вечерам слышали тихий стук топора или скрип резца по дереву. Иные видели, как на ещё недостроенных стенах, словно из ниоткуда, появлялись узоры, похожие на те, что Тихон мечтал вырезать для своего дома.

Один молодой инженер, по фамилии Павлов, человек рациональный, поначалу списывал всё на усталость и мистификации. Но однажды, проходя мимо одного из строящихся двухэтажных домов, он ясно услышал шепот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.